

ВЕЛИКИЙ НОВГОРОД И НОВГОРОДСКАЯ ЗЕМЛЯ В ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЕ РУССКОГО СТАРООБРЯДЧЕСТВА

К постановке проблемы

Исторические и культурные судьбы Великого Новгорода и его земель являются одной из основных тем исследований как российских, так и ряда зарубежных историков по меньшей мере с начала XIX в. Библиография исторической новгородики насчитывает сотни наименований трудов исследователей, охватывающих, казалось бы, все стороны жизни древних новгородцев — от внутренне- и внешнеполитической до музыкально-инструментальной. В частности, за прошедшую четверть века увеличилось число исследований и публикаций архивных документов, посвященных Новгороду XVII в.¹ Однако среди этих работ практически отсутствуют труды, в сколь-нибудь значительной степени затрагивающие тему восприятия новгородцами церковных преобразований, проводившихся в середине—второй половине названного столетия патриархом Никоном и царем Алексеем Михайловичем, специфике появления и развития новгородского старообрядчества, его истории и культуре в послераскольное время.

Вместе с тем число публикаций по отдельным аспектам данной темы достаточно велико. Так, в епархиальных и губернских изданиях XIX—начала XX в. содержатся сведения о «числе раскольников» в Новгородской губернии, об истории отдельных общин, некоторых сторонах жизни и быта староверов.² Среди дореволюционных источников есть и освещающие реакцию духовенства синодальной Новгородской епархии на провозглашенную в России в 1905 г. «веротерпимость», рассказывающие об активизации деятельности местных старообрядцев различных согласий в период после этого события.³ Эта информация, поданная во многом с критически-антистарообрядческих позиций, нуждается во введении в современный научный

¹ В первую очередь это следующие издания обобщающего характера: Новгородский хронограф XVII в. // *Тихомиров М. Н.* Русское летописание. М., 1979. С. 273—323; Новгород Великий в XVII в.: Документы по истории градостроительства. М., 1986; *Опись Новгорода 1617 г.* // Памятники отечественной истории. М., 1984. Вып. 3, ч. 2; *Варенцов В. А.* Привилегированное купечество Новгорода XVI—XVII вв. Вологда, 1989; *Варенцов В. А., Коваленко Г. М.* 1) Хроника «бунташного века». Л., 1991; 2) В составе Московского государства: Очерки истории Новгорода в XV—начале XVII вв. СПб., 1999; *Воскобойникова Н. П.* Источники по истории Великого Новгорода последней трети XVII в. // Научная конференция «Социально-экономические проблемы истории»: Тезисы выступлений. Новгород, 1991.

² См., например: Ведомость о числе раскольников разных сект, по Новгородской губернии находящихся, за 1857 г. // Памятная книжка Новгородской губернии. Новгород, 1858. С. 15 (отд. 3); То же. 1872. С. 15; То же. 1892; То же. 1894. С. 15 (ч. 2); *Смелов П.* О богослужении и обрядах раскольников // Новгородские губернские ведомости. 1877. № 21; *Рябчиков С.*, свящ. Из памяти сельского священника о жизни раскола и древней святине в Новгородской епархии // Новгородские епархиальные ведомости. 1895. № 12. С. 699—705.

³ См., например: *Арсений (Стадницкий)*, [архиеп. Новгородский и Старорусский]. Церковь, государство и раскол старообрядчества. Речь 12 мая 1910 г. при обсуждении законопроекта о старообрядческих общинах [в Государственной Думе]. Псков, 1910; Старообрядческие владыки, разсуждающие по Новгородской епархии // Новгородские епархиальные ведомости. 1910. № 51, 52. С. 1579.

оборот, а также в историческом осмыслении с целью определения степени ее объективности.

Среди исследовательских работ советского периода данная тематика наиболее подробно освещается (преимущественно в социально-политическом аспекте, согласно духу своего времени) в монографии В. С. Румянцевой.⁴ Несмотря на явное несоответствие современным представлениям общего «марксистско-ленинского» тона данного сочинения, оно, благодаря изложению исторических фактов и публикации значительного числа архивных источников, донныне сохраняет научное значение.

Большое число исследований, в том числе монографического плана (ярким примером здесь служит недавний труд Е. М. Юхименко⁵), посвящено истории и культуре основанной в конце XVII в. на территории Новгородской епархии Выгорецкой (Выго-Лексинской) киновии, или обители (где реально существовали два крупных монастыря — мужской и женский, на реках Выг и Лекса соответственно, и ряд менее крупных скитов). До середины XIX в. здесь находился центр «поморцев» (старообрядцев-беспоповцев) и их своеобразной культуры, синтезировавшей древнерусское наследие, народные северные традиции, влияние стиля барокко и собственные творческие наработки. И хотя прямое наследование Выгом многих духовно-культурных традиций средневекового Новгорода (в значительной мере через посредство Соловецкого монастыря) постоянно констатируется исследователями, в целом новгородский аспект Выгореции в их трудах отстает на второй план ввиду всероссийского значения данного духовного центра.

Этот же тезис является справедливым по отношению к многочисленным работам по истории и культуре уже упомянутого прославленного монастыря на Соловецких островах. Как известно, его насельники весьма жестко, в форме вооруженной борьбы, сопротивлялись церковной реформе.

Наиболее соответствующей сегодняшним взглядам остается монография представителя русского зарубежья С. А. Зеньковского.⁶ Истории «древлеправославия» на Русском Севере в целом и в Великом Новгороде в частности здесь уделено значительное место, особенно в плане освещения генезиса разветвления старообрядческой идеологии и духовной практики на поповскую и беспоповскую. Названный автор также впервые увязал сопротивление церковной реформе в землях бывшей Новгородской республики с еще сохранявшимися в XVII столетии демократическими традициями данного государства. Однако при всей значимости общих историософских выводов исследование С. А. Зеньковского (на что обращала внимание и В. С. Румянцева) в фактологической части построено в основном на трудах дореволюционных российских историков, без привлечения архивных данных. Во многом, конечно, это связано с тем, что в 1960-е гг. советские архи-

⁴ Румянцева В. С. Народное антицерковное движение в России в XVII в. М., 1986.

⁵ Юхименко Е. М. Выговская старообрядческая пустынь. Духовная жизнь и литература: В 2 т. М., 2002. Показательно в плане уяснения степени изученности новгородской составляющей истории и культуры Выгореции, что при написании столь объемного монографического сочинения не были использованы фонды Новгородской епархии в Государственном архиве Новгородской области — ГИАНО (см.: Там же. Т. 2. С. 474—480).

⁶ Зеньковский С. А. Русское старообрядчество. Духовные движения семнадцатого века. Мюнхен, 1970 (репринт: М., 1995).

вы для ученого-«белоземгранта» по политическим причинам были недоступны.

Во второй половине 1990-х гг. в периодике появились две весьма незначительные по объему статьи, содержащие попытки обобщенного изложения истории новгородского старообрядчества во второй половине XVII—начале XVIII в. (и отчасти в последующее время).⁷ На сегодня перечень научных трудов, содержащих в той или иной степени обобщающую историческую информацию по новгородскому старообрядчеству, этим почти исчерпывается.⁸

Завершить краткий библиографический обзор представляется уместным упоминанием о появлении в последние годы на научных конференциях сообщений по истории отдельных старообрядческих общин Новгородской области, где затрагиваются и события XX в.⁹ Минувшее столетие в плане истории новгородского старообрядчества изучено в наименьшей степени. Примером этого, в частности, является монография М. Н. Петрова,¹⁰ в которой в список репрессированных служителей Новгородской (новообрядческой) епархии без каких-либо оговорок внесены имена как минимум двух священников-старообрядцев.¹¹ Скромное по масштабам современное возрождение старообрядчества Великого Новгорода и его области освещено в основном в газетно-журнальных публикациях.¹²

⁷ *Фенченко С.* Новгородское старообрядчество II пол. XVII—I пол. XVIII вв. // *София*. 1996. № 2 (18). С. 11; *Шамарин В. В.* Староверие в Новгородской области // *Календарь Древлеправославной Поморской Церкви на 1999 год*. М., 1998. С. 68—73.

⁸ В период работы над настоящей статьей увидела свет монография, в начальной части содержащая значительные обобщающие сведения о новгородском старообрядчестве: *Фишман О. М.* Жизнь по вере: Тихвинские карелы-старообрядцы. М., 2003. Данные материалы безусловно заслуживают специального рецензирования, однако и предварительное знакомство с ними вызывает некоторые вопросы. Так, исследовательница, во многих случаях активно ссылаясь на «Русское старообрядчество» С. А. Зеньковского, в отличие от последнего, относит к представителям беспоповского направления тихвинского игумена Досифея (с. 32). В списке архивов, в которых работала автор, новгородские отсутствуют (см. с. 389).

⁹ Например: *Хришкевич А. П.* Старообрядческая община посада г. Солцы в XIX в. // *Прошлое Новгорода и Новгородской земли: Научная конференция в НовГУ им. Ярослава Мудрого 20—22 ноября 2001 г.*; *Воскресенская Т. А.* Новгородские староверы-беспоповцы в XIX—XX вв.: Течения, численный состав и расселение. Статьи Хришкевич и Воскресенской входят в сборник: *Прошлое Новгорода и Новгородской земли: Материалы научной конференции. 2001—2002 гг.*, Новгород, 2002. Ч. 2, см. с. 50—54 (Хришкевич) и с. 54—59 (Воскресенская).

¹⁰ *Петров М. Н.* Крест под молотом. Великий Новгород, 2000.

¹¹ Это священноинок Гурий (Егор Ефимович Воронцов), проживавший в д. Лебединец Марёвского р-на, и священник Евсей (Евсей) Григорьевич Цыркин, проживавший в д. Алешонка Демьянского р-на. Оба расстреляны в 1937 г. (ср.: *Петров М. Н.* Крест под молотом. С. 334, 373). Автор настоящей статьи лично знаком со старообрядцами пожилого возраста, которые в детстве были прихожанами названных священнослужителей.

¹² Празднуют старообрядцы // *Новгородская правда*. 1990. № 220; Освящение храма // *Там же*. № 222; *Коряков А.* На Молотковской среди людей, которые не дадут тебе напиток из своей чашки // *Новгородские ведомости*. 1991. № 4; *Митрофанова Л.* Рожденная из веры и любви // *Там же*. № 48; *Нарышкин Г. М.* Крещение в живой воде // *Новгород*. 1993. № 12, 13; *Рязанов О. И.* 1) 10 лет новгородской общине // *Календарь Древлеправославной Поморской Церкви на 1999 год*. М., 1998. С. 67—68; 2) Михеевой Лидии Афанасьевне — 70 // *Там же*. С. 80; *Шамарин В. В.* Староверие в Новгородской области // *Там же*. С. 68—73; *Кудряшова С.* Вторая жизнь древнего храма // *Новгородские ведомости*. 2001. № 61 (14762); [*Панкратов А. В.*] Первый молебен в древнем храме // *Русь православная*. 2001. № 7 (61); [*Пшанский А. Г.*] Ревнители «древлего благочестия» // *Новгород*. 2002. № 8 (612); По старому обряду // *Аргументы и факты — Великий Новгород*. 2002. № 9 (157); *Ядрышников В. А.* Две обители в Радоковицах // *Чело*. 2002. № 1. С. 11; *Панкратов А. В.* Новгородский контекст ис-

Старообрядчество, по оценке С. А. Зеньковского, представляет собой «самое значительное религиозное движение в истории русского народа».¹³ Великий Новгород в XV—XVII вв. был вторым по значению после Москвы городом России и уже в силу этого не мог остаться в стороне от всколыхнувших страну событий, связанных с «церковной революцией сверху», начатой патриархом Никоном и царем Алексеем Михайловичем в 1653 г. Отношение новгородцев к данной реформе складывалось под влиянием по меньшей мере трех рассматриваемых ниже существенных факторов.

Первым являлось наличие в Новгороде и его землях в XVII в. остатков традиций свободы, восходящих ко временам независимой республики. При абсолютном преобладании в высших эшелонах власти лиц, назначенных в административном порядке, на более низком, местном уровне существовали принципы выборности, и вышеназванным правителям приходилось с ними считаться. В частности, общины конкретных церквей сами выбирали настоятелей храмов и иных приходских служителей, назначенных же сверху могли и не принять как чужаков. В еще большей степени этот принцип бытовал среди иночествующих, а в землях новгородского Севера он был почти преобладающим. Иными словами, сохранялась живая и зачастую успешная практика противопоставления воли групп людей (иногда и небольших) давлению центральных органов государства.¹⁴

Вторым важным фактором являлось то, что описанный выше строй церковно-народной жизни был авторитетен не только по причине традиционного многовекового бытования, но и в силу своей сакрализованности. Духовная слава многочисленных святых и святых Великого Новгорода после вхождения последнего в Московское великое княжество еще более возросла, став всероссийской. Ряд «новых чудотворцев» из новгородских земель был причислен в Москве в XV—XVII вв. к лику святых. Монастырь, основанный представителями новой правящей династии Романовых на их старом боярском дворе близ Московского Кремля (а также по соседству со старинным Новгородским подворьем), был посвящен иконе Знамения Пресвятой Богородицы, главной святыне Новгорода. В общерусских печатных месяцесловах середины XVII в. содержатся 27 памятных дат, так или иначе связанных с Великим Новгородом и его землями.¹⁵ Известно, что еще большее число святых относилось к разряду местночтимых, их имена не вносились в святцы московских изданий.¹⁶ Многие из этих угодников почитались

тории и культуры русского старообрядчества // Там же. № 2. С. 22; [Пшанский А. Г.] Черда минувших дат // Новгород. 2003. № 2 (656); Гашкова Н. Храму во имя святого Иоанна Богослова — 620 лет // Русь православная. 2004. № 1 (68); Прокофьева Т. Новая жизнь храма // Аргументы и факты — Великий Новгород. 2004. № 26 (72); Привалов К. 1) Осветили по солнцу // Новая новгородская газета. 2004. № 46 (273); 2) 350 лет порознь // Там же. № 50 (277); Безгодов А. А. Древлеправославный храм Великого Новгорода. 625 лет (1379—2004). М., 2004.

¹³ Зеньковский С. А. Русское старообрядчество. С. 13.

¹⁴ Там же. С. 392—394. Пример выборной церковной должности в Новгороде XVII в. и меры ответственности лица, ее занимавшего, перед приходом см. в кн.: Кузьмина Н. Н. Церковь св. Филиппа апостола и Николая Чудотворца на Нутной улице в Великом Новгороде. Великий Новгород, 2001. С. 37—39.

¹⁵ Часослов. М.: Печатный двор, 1652. Л. 146—306 об. Учтены также дни празднования святых псковских и соловецких.

¹⁶ Сведения о них см., например: Сказания о новгородских иконах и святых // Сборник смешанный XVII в. Л. 134—191. Собрание рукописных книг НГОМЗ. № 10836; Сборник жи-

в монастырях Великого Новгорода и его ближайшей округи, общее число которых к 1650—1660-м гг. равнялось 60, что весьма много даже по древнерусским меркам (при подсчете обителей учтен и Архиерейский двор в Новгородском кремле).¹⁷ Для сравнения, в Москве в это время было около 20 монастырей, при более значительной площади и населенности столичной территории.¹⁸ В целом данный фактор для средневекового христианского сознания, воспитанного на местных церковных традициях, был серьезным препятствием для восприятия насаждавшегося в ходе реформы тезиса о несовершенстве и даже еретичности древнерусской духовной практики.¹⁹

Третий фактор, повлиявший на судьбы новгородского старообрядчества едва ли не в решающей степени, определялся реальным историческим опытом открытого или подспудного противоборства властям Центральной Руси, а также последствиями различных общественных потрясений рубежа XVI—XVII вв. Эта память прошлого не была для Новгорода положительной. Длительная борьба за сохранение независимости, сначала с Владимиро-Суздальским, а затем с Московским княжеством, в конечном счете завершилась поражением. Весьма вероятная попытка скрыто продолжать эту борьбу уже не в военно-политической, а в церковно-культурной плоскости в период конца XV—XVI в. была пресечена опричным погромом 1570 г., масштаб и жестокость которого прочно и надолго запечатлелись в местном народно-историческом сознании, в том числе в виде легенд. Большой урон Великому Новгороду и его землям, в первую очередь в плане истощения людских и хозяйственных ресурсов, нанесла Ливонская война. В период начавшейся Смуты значительно ослабленная вышеперечисленными ударами истории Новгородчина, один из оплотов православия, впервые пережила позор поражения и оккупации иноземцами, которых считали «нечестивыми еретиками». Наконец, было подавлено восстание 1650 г., направленное в том числе и против будущего всероссийского реформатора Никона, бывшего тогда митрополитом Новгородским. Все это в совокупности повлияло на численность новгородцев, осмелившихся явно или тайно воспротивиться патриарху и царю во время проведения реформы. Несогласных было довольно много, но все же недостаточно, чтобы организовать серьезное массовое противодействие, хотя бы по примеру 1650 г. Старообрядцам удалось создать лишь отдельные (пусть порою и довольно крупные) очаги сохране-

тий новгородских святых, 1-я пол. XIX в. // Там же. № 10923, 11179; *Краснянский Г.*, свящ. Месяцеслов (святыцы) новгородских святых угодников и указатель чудотворных святых икон. Новгород, 1876; Новгородский месяцеслов. СПб., 1882.

¹⁷ О количестве монастырей Великого Новгорода см.: *Петрова Л. И., Анкудинов И. Ю., Попов В. А., Силаева Т. В.* Топография пригородных монастырей Новгорода Великого // НИС. СПб., 2000. Вып. 8 (18). С. 95—157; *Бобров А. Г.* Монастырские книжные центры Новгородской республики // Книжные центры Древней Руси: Севернорусские монастыри. СПб., 2001. С. 3—123. В труде А. Г. Боброва, посвященном периоду до 1478 г., не учтен основанный в XVI в. Николо-Розважский монастырь, находившийся в Малом Земляном городе близ ул. Розважа; при моем подсчете он учитывался.

¹⁸ См.: *Паламарчук П. Г.* Сорок сороков: В 4 т. Т. 1. Кремль и монастыри. М., 1992.

¹⁹ Этот тезис справедлив не только в отношении Великого Новгорода. С самого начала церковной реформы XVII в. высокий авторитет святых Древней Руси в целом был одним из красугольных камней старообрядческой апологетики (см., например: *Зеньковский С. А.* Русское старообрядчество. С. 179, 306, 311).

ния «древлеправославия». Последний из перечисленных факторов, таким образом, оказался конкретно-исторически наиболее значительным.

Как уже упоминалось выше, патриарх Никон до возведения в этот сан был митрополитом Новгородским и здесь в 1650 г. вызвал против себя народное возмущение. Произошло оно практически в первый год пребывания нового митрополита на кафедре и было связано с тем, что новый архиерей своим характером и действиями вошел в серьезное противоречие со сложившимися в Новгороде традициями. И предшественник Никона, причисленный впоследствии к лику местночтимых святых Афоний,²⁰ и наследовавший после Никона кафедру Макарий (о деятельности которого подробнее будет сказано ниже), по отзывам современников, были людьми «кроткими», т. е. молитвенно-созерцательного настроения, глубоко консервативными и, соответственно, не склонными к какой-либо реформаторской активности. Такой тип митрополита — аскета и охранителя древних духовных традиций — в наибольшей степени соответствовал сложившемуся задолго до XVII в. представлению новгородцев о качествах архипастыря. Никон же, едва вступив на кафедру, начал решительные преобразования. За богослужениями было введено киевское четырехголосное (т. е. партесное, католическое по происхождению и духу) пение вместо древнерусских унисонных распевов, многие из которых были созданы в Великом Новгороде и осознавались прихожанами как природно свои.²¹ Одновременно (или даже раньше) начинается бурная строительная деятельность Никона, частью которой должны были стать какие-то существенные перестройки внутри Софийского собора. Эти действия в сознании многих горожан поставили нового митрополита в разряд изменников наряду с воеводой Хилковым, которого, как известно, подозревали в завышении объемов продажи хлеба в Швецию и организации таким образом голода. Обвинение Никона в намерении «церковь Софею Премудрость Божию рушить и столпы ломать» вошло в челобитную, направленную в Москву восставшими новгородцами.²² Любопытно, что это было практически единственное из обвинений, выдвинутых ими против тогдашних руководителей Новгорода, которое и правительство сочло в какой-то мере обоснованным. После расправы с мятежниками митрополиту было направлено особое письменное указание с запрещением производить любые перестройки внутри храма св. Софии.²³

²⁰ Строго говоря, называть Афония предшественником Никона не совсем корректно, так как он был его современником. Никона рукоположили при живом Афонии (!), который удался с кафедры в Хутынский монастырь, официально — по старческой немощи. Но скончался он только в 1652 г., т. е. тогда же, когда и Никон покинул Новгород. Уже эти обстоятельства могли отрицательно сказаться на репутации Никона у новгородцев. Об Афонии см.: Новгородский хронограф XVII в. С. 284, 291—292; *Страхова Я.* Святой митрополит Афоний (1635—1649) // *София.* 1998. № 4. С. 38.

²¹ Последний по времени выхода в свет очерк жизни и творчества мастеров богослужбного пения средневекового Новгорода содержится в изд.: *Кутузов Б. П.* Русское знаменное пение. М., 2002. С. 26—31, 34, 39, 70, 103—104, 121, 123, 126, 135—150, 160—163, 195—206, 219. Однако о характерных отличительных чертах «новгородского стиля» церковного пения в данном издании ничего не сказано. Возможно, их выявят — будущая задача исследователей.

²² См.: Мятежное время: Следственное дело о Новгородском восстании 1650 г. / Публ. Г. М. Коваленко, Т. А. Лаптевой, Т. Б. Соловьевой. СПб.; Кишинев, 2001. С. 141.

²³ Там же. С. 226—227.

Итак, для Никона Новгород стал своего рода испытательным полигоном перед началом общероссийской реформаторской деятельности, новгородцы же первыми смогли оценить как общую направленность намечавшихся преобразований, так и степень твердости властей в их осуществлении. В связи с этим перспективным направлением современных исторических изысканий представляется выявление степени участия в старообрядческом движении лиц, проходивших по следственному делу о мятеже 1650-г., а также их родственников или иных близких им людей.

В 1652 г. «избраением и повелением великаго государя» новгородский митрополит Никон стал патриархом всея Руси и уже в феврале следующего, 1653-го, года начал пресловутую реформу. Рассмотрение ее внешних форм и внутреннего содержания не является задачей настоящей статьи. Ограничусь упоминанием о том, что Поместный собор Русской Православной Церкви Московского Патриархата 1971 г., «рассмотрев вопрос <...> с богословской, литургической, канонической и исторической сторон», признал никоно-алексеевские церковные преобразования «более чем сомнительными». Были отменены «яко не бывшие» и проклятия, положенные на старые обряды и их приверженцев Никоном и его последователями.²⁴ Доклад по этой теме был сделан митрополитом Ленинградским и Новгородским Никодимом (Ротовым). Однако прозрение состоялось спустя более чем 300 лет. Основоположники же старообрядчества знали о неправоте дел патриарха и царя уже тогда, когда дела эти вершились. Реакция сторонников старины была разной. Одни, как знаменитый протопоп Аввакум, активно и открыто обличали власть имущих, призывая народ к организации независимых от «реформированной» Церкви общин. Другие находили возможным покориться преобразователям, но лишь внешне, с целью охранить себя и своих единомышленников от репрессий, которые вскоре были обрушены на несогласных. К этому типу старообрядческих деятелей принадлежал и митрополит Макарий,²⁵ вступивший после Никона, в 1652 г., на Новгородскую кафедру.

Выходец из Спасского монастыря в Казани, рукоположенный самим патриархом и также по избранию царя, Макарий способствовал Никону в обустройстве Иверской обители на Валдае, подписывал все постановления, в том числе о «книжном исправлении», на московских соборах 1654—1655 и 1660 гг. Во время приезда в Новгород антиохийского и сербского патриархов в 1655 г. головные уборы монахов были изменены с древнерусских на новогреческие. Но когда в том же году Макарий после собора привез из Мо-

²⁴ См.: Журнал Московской Патриархии. 1971. № 6. С. 5—7; № 7. С. 63—71.

²⁵ Литература о Макарии: Новгородский хронограф XVII в. С. 292—293, 298, 300, 303, 312; НЛ. С. 375—376, 458; Исрархии Новгородской спархии с древнейших времён до настоящего времени: Краткие биографические очерки / Сост. архивариус архива и библиотеки Святейшего Синода К. Я. Здравомыслов. Новгород, 1897. С. 42—43; Филиппов И. История Выговской старообрядческой пустыни. СПб., 1862. С. 23—24, 80; Союзин А. Великий Новгород — первая старообрядческая митрополия (1654—1663 гг.) // Церковь. 1909. № 24. С. 761—763; Зеньковский С. А. Русское старообрядчество. С. 125, 191, 234, 257, 285, 389, 394, 436; Мельников Ф. Е. Краткая история Древлеправославной (старообрядческой) Церкви. Барнаул, 1999. С. 119; Страхова Я. Митрополит Макарий (1652—1663) // София. 1999. № 2. С. 36; Панкратов А. В. Новгородский контекст истории и культуры... С. 10—21; Варенцов В. А., Панкратов А. В. Макарий III // Новгород Великий: Энциклопедический словарь (в печати).

сквы «исправленные» церковные книги, то, посоветовавшись с авторитетными духовными лицами, приказал сложить привезенное в одной из палат Владычного двора и запечатать архиерейской печатью. В храмах епархии, таким образом, продолжилось употребление старопечатных богослужебных изданий.

Возможно, об этом довольно быстро узнали в Москве, но мгновенно реагировать на «крамолу» не стали. Видимо, была свежа память о мятеже 1650 г., к тому же в 1656 г. вспыхнула новая война со Швецией, и, скорее всего, было сочтено за лучшее не возбуждать епархию, расположенную вблизи от зоны боевых действий. Правительство было больше озабочено состоянием новгородских укреплений. Они спешно ремонтировались, причем «лес секли» для этого крестьяне митрополита, а работали на валах и стенах практически все горожане. В этих условиях патриаршие посланцы с новыми книгами, являясь, «аки гром», по всей Руси, объезжали Новгородские земли стороной.

Однако митрополит Макарий был не только тихим охранителем. Возможно, пользуясь благоприятными обстоятельствами, он решил оставить свое имя в истории путем традиционного «обновления», причем в довольно-таки крупных масштабах. Как мы теперь знаем, при нем была предпринята практически последняя перестройка новгородских памятников, осуществленная в свободном от прямых западных влияний древнерусском стиле.

В 1652 г. был выстроен (правда, неудачно, поскольку сразу обрушился) каменный храм «в Рагодовицком монастыре».²⁶ Тогда же в Софийском соборе были перенесены на новые места и украшены раки с мощами основателей главного новгородского храма — свв. князя Владимира и матери его Анны. В 1653 г. была построена колокольня церкви Иоанна Крестителя «близ немецких дворов»,²⁷ в том же году капитально отстроен разоренный в Смуту Коломецкий монастырь.²⁸ Одновременно происходили изменения в Софии: настан новый пол, для расширения пространства стесаны «границы от столпов, что за иконами быша», упорядочена расстановка самих образов

²⁶ Новгородский хронограф XVII в. С. 293. Вероятно, речь идет об Успенском Радоковицком женском монастыре, находившемся на Торговой стороне, за валом, примерно в 100 м к северу от ныне существующего храма св. Иоанна Богослова на Витке. В 1385 г. здесь была построена каменная церковь Успения, в описи 1617 г. упомянут и второй храм — св. Николы, деревянный. Опись 1623 г. называет его Введенским, с Никольским приделом. Видимо, при митрополите Макарии была сделана попытка возвести именно этот храм в камне. Однако здание рухнуло, как только убрали леса, старая же церковь уже была разобрана. Судя по тому, что позднейшие источники говорят о наличии в монастыре только одного Успенского храма с Введенским приделом, строительство более не возобновлялось, о былом храме напоминал лишь придельный престол. Монастырь был упразднен в 1764 г., все строения разобраны в 1801-м, тогда же престол в честь Успения перенесен в трапезную церкви св. Иоанна Богослова на Витке (см.: *Петрова Л. И. и др. Топография пригородных монастырей...* С. 151—152; *Ядрышников В. А.* Двс обители в Радоковицах. С. 4, 7—9).

²⁷ И церковь и колокольня разобраны в начале XIX в. (см.: *Гайдуков П. Г., Седов В. В.* Об археологической шурфовке в Новгороде в квартале 38 в 1999 г. // *Новгород и Новгородская земля: История и археология. Материалы научной конференции.* Новгород, 25—27 января 2000 г. Великий Новгород, 2000. Вып. 14. С. 34.

²⁸ Монастырь известен с начала XIV в., находился на оз. Ильмене приблизительно на против Перины, на другом берегу Волхова. В 1310 г. здесь была поставлена каменная церковь св. Троицы. В 1680 г. обитель сильно пострадала от разлива и вскоре была упразднена. Имушество перенесли в Николо-Липенский монастырь. В настоящее время не существует и

в иконостасе. (Заметим, что, в отличие от 1650 г., эти действия не вызвали какого-либо возмущения новгородцев. Напротив, теперь уже патриарх Никон приказал митрополиту «учинить по прежнему».²⁹) В этом же году был создан крупнейший колокол софийской звонницы весом в 1614 пудов, именуемый «Праздничным», или «Макарьевским». Он был перелит из отлитого при Никоне и разбившегося в мятежном 1650-м колокола. Еще через два года «во украшение церковного благолепия» практически полностью (!) был заменен местный (нижний) ряд образов главного софийского иконостаса. В основном именно эти иконы (включая царские врата) находятся там и сегодня. И хотя первоначальная живопись сохранилась не полностью, совершенно ясно, что стиль ее строго «дониконовский», московский первой половины XVII в. Были изготовлены и оклады для новых икон, серебряные и позолоченные. Наконец, в 1655-м же году пошиты новые облачения на престол кафедрального собора, а также комплект «воскресных» риз для клира.³⁰

Приведенный выше (и, возможно, неполный) перечень «церковно-благоукрашательских» мероприятий митрополита Макария позволяет с осторожностью предположить наличие у него некой идейной и церковно-политической программы. Например, она могла быть связана с надеждами части русского общества на возвращение «древлеправославия». Возможно, не случайно сообщение о переделке местного ряда храма св. Софии «Новгородский хронограф» помещает сразу после рассказа об оставлении Никоним патриаршества, которое в реальности, как известно, произошло через три года, 10 июля 1658 г.³¹

Восстановления «старой веры», однако, не произошло. После самоуранения Никона реформаторскую деятельность продолжил царь при поддержке представителей поработенной турками бывшей Византии. Но при жизни митрополита Макария (до 1663 г.) этот процесс Новгородскую епархию так и не затронул. Приверженцы церковной старины — как местные уроженцы, так и приходившие со всей Руси — находили здесь пристанище. Некоторые же из них, как, например, поставленный Макарием в 1662 г. в игумены инок Досифей, сыграли в дальнейших судьбах старообрядчества

остатков зданий Коломенской обители, и даже ее местоположение точно не определено (см.: *Петрова Л. И. и др. Топография пригородных монастырей... С. 137—138*).

²⁹ Новгородский хронограф XVII в. С. 300.

³⁰ Там же. С. 303; Летописец новый // РГАДА. Ф. 181. № 22. Л. 183 об., 288 об. Об иконах местного ряда см.: *Гордиенко Э. А. Большой иконостас Софийского собора (По письменным источникам) // НИС. Л., 1984. Вып. 2 (12). С. 222—223, 225. Об окладах этих икон: Гордиенко Э. А., Трифонова А. Н. Каталог серебряных окладов Новгородского музея-заповедника. // Музей. 6. Художественные собрания СССР. М., 1985. С. 248—252.*

³¹ Интересно, что в 1659 г. (после отречения Никона) работы по обновлению местного ряда Софийского иконостаса завершили изготовление новых царских врат в серебряном окладе (см.: *Гордиенко Э. А. Большой иконостас Софийского собора. С. 222—223, примеч.*). Надежды на возвращение «старой веры» связывались, как известно, с царем, с его «вразумлением» — отсюда многочисленные слобитные старообрядцев на его имя (см.: *Зеньковский С. А. Русское старообрядчество. С. 308—311, 314—316, 322, 336, 343—344, 358, 362—363; Мельников Ф. Е. Краткая история Древлеправославной (старообрядческой) Церкви. С. 99—100, 102*). В этом контексте, возможно, следует воспринимать и появление в Софийском соборе при «макарьевском» обновлении иконы святого покровителя Алексея Михайловича — преп. Алексея, челоука Божия (доныне сохраняется в собрании ИГОМЗ — *Трифонова А. Н. Русская икона из собрания Новгородского музея. СПб., 1992. С. 13. Илл. 145*).

существенную роль. Кстати, это действие, совершенное митрополитом за год до смерти, вызывает предположение, что Досифей мыслился ему преемником в деле сохранения «древлего благочестия». Конечно, пока не ясно, может ли это быть подтверждено, но давно и хорошо известно, что всю последующую жизнь упомянутый игумен активно и не без успеха исполнял названную миссию, причем в масштабе всей страны. Так, именно он в 1670 г. в Москве постриг в иночество знаменитую боярыню Морозову.³²

Из числа других всероссийски известных старообрядческих деятелей в Великий Новгород приезжал суздальский протопоп Никита Добрынин («Пустосвят»). Новгородские посланцы посещали в Москве протопопа Аввакума и вышеупомянутую боярыню-инокиню.³³ Ближайший соратник Аввакума, сожженный впоследствии вместе с ним его духовный отец (и тоже автор собственного «Жития»), инок Елифаный в 1657—1664 гг. проживал в пустыни на Виданском острове на р. Суне (Карелия).³⁴

В Новгородской же епархии закончил свои дни (не позже 1658 г.) и первый исповедник старообрядчества, единственный архиерей, открыто воспротивившийся реформам, — епископ Павел Коломенский. Лишенный сана, он был помещен в карельский Палеостровский монастырь и скончался там. По другим же сведениям, Павел был переведен из Карелии под самый Новгород, в Хутынскую обитель, где и преставился, причем в последние годы жизни был освобожден из-под стражи.³⁵ Любопытно, что других активных старообрядцев Центральной Руси ссылали гораздо дальше, например в Астрахань или в забайкальскую Даурию.³⁶ Павел же был отправлен хотя и на суровый Север, но фактически к единомышленникам, в нероформированную епархию. Не выразилось ли в этом своеобразное почтение к бывшему носителю весьма высокого сана?

Но и остатки почтения к старообрядцам были утеряны руководством Новгородской епархии после кончины митрополита Макария, последовавшей 14 ноября 1663 г. Назначавшиеся затем митрополиты (в 1664 г. — Питирим, в 1672 г. — Иоаким, в 1674 г. — Корнилий), как правило, подобно Никону, возводились с местной кафедры на московское патриаршество. Вероятно, во многом под влиянием карьеристских соображений, они старались с особенным рвением проводить и церковную реформу, и борьбу с не-

³² О деятельности игумена Досифея см.: *Зеньковский С. А. Русское старообрядчество. С. 275, 280, 322, 329, 374, 378, 384, 388—433, 443—444, 455, 487—489.*

³³ См.: *Румянцева В. С. Народное антицерковное движение... С. 188, 190, 192, 232—234; Фенченко С. Новгородское старообрядчество II пол. XVII—I пол. XVIII вв. С. 11.*

³⁴ *Зеньковский С. А. Русское старообрядчество. С. 389.*

³⁵ С. А. Зеньковский придерживался мнения о гибели епископа Павла в Палеостровском монастыре (*Зеньковский С. А. Русское старообрядчество. С. 445*). Автор ряда современных публикаций о епископе Д. А. Урушев считает более достоверной версию о кончине Павла 3 апреля 1656 г. в Хутынской обители (*Урушев Д. А. 1*) Сказание о житии и страданиях святого священномученика и исповедника Павла, епископа Коломенского (К 330-летию епископской хиротонии) // *Церковный календарь Русской Православной Старообрядческой Церкви на 2002 г. М., 2001. С. 107—114*; 2) *Житие святителя Павла Коломенского // Христианское чтение. Казань, 2002. Вып. 1. С. 25—28*; 3) *К биографии епископа Павла Коломенского // Старообрядчество в России (XVII—XX века). М., 2004. Вып. 3. С. 39—40*).

³⁶ В Астрахань был сослан в 1653 г. костромской протопоп Даниил, тогда же был выслан в Сибирь протопоп Аввакум — его ссылка в Тобольск вскоре была ужесточена отправкой за Байкал, в Даурию (*Зеньковский С. А. Русское старообрядчество. С. 215, 267*).

согласными. Так, известно, что митрополит Питирим уничтожал остатки старых обрядов «в Верхневолжском уезде», разорил старообрядческие скиты близ Повенца в 1672 г. В том же году он стал патриархом.³⁷ На годы архиерейства вышеперечисленных митрополитов пришлось и знаменитое «Соловецкое сидение» 1668—1676 гг., осада и разгром правительственными войсками Спасо-Преображенской Соловецкой обители, братия которой в большинстве отказалась принять «Никоновы новины». Среди этих иноков были и новгородские уроженцы, например иеродиакон Пимен и «сборный старец» Геннадий (Качалов).³⁸ Насколько известно, отношения между осажденными, осаждавшими и руководством Новгородской епархии, в которую со времени основания входил монастырь, изучены пока недостаточно.

Начало 1680-х гг. ознаменовалось, пожалуй, наивысшим в истории началом борьбы центральных властей со старообрядцами. В начале 1682 г. в Пустозерске (устье р. Печоры за Полярным кругом, в XVII в. — территория Новгородской епархии, подведомственная Новгородскому приказу в Москве) были сожжены заживо содержащиеся там с конца 1667 г. в заключении главные основоположники старообрядчества: протопоп Аввакум, священник Лазарь, диакон Федор и инок Епифаний. Одновременно (или несколько ранее, существуют различные сведения) патриархом Иоакимом, бывшим митрополитом Новгородским, проводится в Москве собор, на котором было увеличено число епархий за счет дробления до того существовавших. В частности, Новгородская епархия потеряла власть над архангельским Севером: учреждается епископия Холмогорская и Важская. Приближение архиереев с их чиновничьим и карательным аппаратом, так сказать, к народным массам, осуществлялось во многом с целью проведения антистарообрядческой борьбы, вплоть до бытового уровня. Тот же собор вынес постановления о запрете старообрядцам собираться на молитву в частных домах (!) и о предании «раскольников» гражданскому (уголовному) суду наравне с грабителями и убийцами.³⁹ На таком общероссийском фоне начались «сыски» старообрядцев в Великом Новгороде.

В 1681 г. князю Ивану Андреевичу Хованскому, новгородскому воеводе, был подан донос дворянина Михаила Петрова на свою мать (!) и двух двоюродных братьев, Дмитрия Хвостова и Евстафия Дирина, с обвинениями их в «хуле на Церковь» из-за реформированности последней. Князь Хованский, сам будучи сторонником старообрядцев, не дал хода делу. Оно получило развитие в 1683 г. при воеводе И. В. Бутурлине. В результате гражданского и архиерейского следствий выявилась причастность к старообрядчеству нескольких десятков человек, в том числе вышеназванных дворян и лиц из окружения митрополита Корнилия (например, стряпчего Семена Прокофьева). Делом занялся Новгородский приказ в Москве, где следствием руково-

³⁷ Иерархия Новгородской епархии... С. 43—44; *Зеньковский С. А.* Русское старообрядчество. С. 389.

³⁸ *Зеньковский С. А.* Русское старообрядчество. С. 390—391.

³⁹ Там же. С. 394, 401—403.

дил сам князь В. В. Голицын, как известно, весьма близкий к царевне Софье. Были казнены 20 человек.⁴⁰

В сентябре 1683 г. в Москве был сожжен схваченный под Великим Новгородом «посадский человек» Иван (Карп) Дементьев, активно распространявший старообрядческие убеждения (в том числе о кончине мира в 1692 г.), основавший скит в «Невях мхах» у оз. Ильмень. Известно, что именно Дементьев оказывал ощутимое влияние на воеводу И. А. Хованского. Последний однажды призвал проповедника староверия для беседы на всю ночь, после чего «он, князь Иван, был в недоумении».

В том же 1683 г. отряд новгородских стрельцов во главе с А. Борановым, в сопровождении доносчика Гаврилова, совершил поход в леса в окрестностях Новгорода с целью поимки скрывавшихся там старообрядцев. В результате был схвачен бывший насельник Псково-Печерского монастыря священноинок Варлаам (в миру Василий). Сын протодиакона кафедрального собора св. Троицы во Пскове, сам служивший там протопопом, он, овдовев, был пострижен в иночество. Прослужив несколько лет в Псково-Печерской обители и на ее подворье, Варлаам удалился в пустынь на р. Силе, где провел в уединении 15 лет, совершая молитвы по старопечатным книгам. В 1677 г. он был первый раз схвачен властями и отправлен в Москву, где его лично допрашивал патриарх Иоаким. Тогда отшельник, явно неискренне, «принес покаяние» и затем бежал из Новоспасского монастыря, куда был помещен. Он поселился в тех же «Невях мхах», где проживал И. Дементьев. 22 октября 1683 г. старец Варлаам, своего рода патриарх новгородских старообрядцев, был сожжен в подмосковном Клину.

Несколько ранее (7 сентября 1683 г.) сожгли проповедовавшего старообрядчество новгородца Якова Калашникова, наставником которого был умерший до ареста последнего «Лучка [Лука или Лукиян], иконописец Софийского дому». Участие мастера «иконного письма» в старообрядческом движении весьма показательное. Одним из результатов никоно-алексеевской реформы, как известно, стало внедрение на Руси религиозной живописи в западном натуралистическом стиле. Это не могло не вызвать протеста приверженцев традиций «древнего письма», которыми Великий Новгород был особенно знаменит. Более точная персонификация упомянутого «Лучки», который, например, вполне мог быть участником «макарьевского» обновления св. Софии 1652—1655 гг., может стать одной из тем дальнейших исследований. В связи с этим также следует отметить, что в «сыских» делах о старообрядцах Новгорода часто встречаются данные о распространении своего рода карикатур, «подметных писем» с искаженными изображениями патриарха, царя и т. д., выполненными «мастеров [т. е. иконописцев] рукою».⁴¹

В результате крупных «сысков» начала 1680-х гг. наиболее активные старообрядцы Великого Новгорода и его ближайших окрестностей были физически устранены. В последующие годы репрессии продолжались на терри-

⁴⁰ Фенченко С. Новгородское старообрядчество II пол. XVII—I пол. XVIII вв. С. 11.

⁴¹ Следственные документы по новгородским «сыскам раскольников» 1682—1684 гг. опубликованы в кн.: Румянцева В. С. Народное антицерковное движение... С. 188—198, 227—242.

ториях Русского Севера, входивших в Новгородскую епархию. Схваченных в Каргополе, Олонце и других местах старообрядцев привозили на архиерейский двор Великого Новгорода для следствия и суда, за которыми арестованных зачастую ждала казнь. Эти мероприятия активно проводились и преемником митрополита Корнилия Иовом (годы архиерейства — 1697—1716).⁴² Так, в 1713—1717 г. на Владычнем дворе в Новгородском кремле находился Симеон Денисов, один из основателей знаменитого Выговского старообрядческого общежития, а в 1711 г. здесь же скончался в заточении (по другим данным, был сожжен) родоначальник федосеевского беспоповского согласия, бывший «дьячок Крестецкого Яму» Феодосий Васильев.⁴³ Сводный старообрядческий Синодик называет по меньшей мере 70 имен «новгородских страдальцев»,⁴⁴ точное же их количество неизвестно.⁴⁵ Оно может быть и значительно большим. Во всяком случае, шведский путешественник и дипломат Ю. Г. Спарвенфельд еще в 1684 г. занес в дорожные записи, проезжая Новгород, известие о сотнях казненных старообрядцев.⁴⁶

Реакция гонимых проявлялась в двух формах. Одной были известные «гари» (самосожжения), происходившие в основном там, где для старообрядцев возникала угроза быть схваченными правительственными войсками. Обычно после ареста пытками старались добиться отречения узников от «старой веры», после чего их (по крайней мере, считавшихся особо опасными; эта практика была узаконена в одной из «Новоуказных статей о раскольниках» 1685 г., изданных царевной Софьей) все же казнили через сожжение, не доверяя «покорению» официальной Церкви, вынужденному мучениями.⁴⁷ Поэтому некоторые старообрядцы предпочитали сжигать себя сами, чтобы уйти в мир иной не оскверненными отречением от «древлего благочестия».

В окрестностях Великого Новгорода известно шесть «гарей». Наиболее крупными из них были самосожжения в д. Остров (около 1666 г., погибли 120 человек) и в имении князя Петра Мышецкого (начало XVIII в.), традиционно считающегося родственником выгорецких «большаков» братьев Денисовых. Здесь сгорели около 100 человек во главе с хозяином поместья. Последняя из новгородских «гарей» произошла в 1765 (!) г., когда старообрядцы из с. Пудорина сожгли в Мартирьево-Зеленецком монастыре.⁴⁸ Известно, что выходцем именно из этой обители был новгородский митрополит Корнилий, один из наиболее яростных гонителей старообрядчества

⁴² Иерархи Новгородской епархии... С. 47.

⁴³ См. о нем: *Зеньковский С. А.* Русское старообрядчество. С. 452. Есть сведения о дате сожжения Феодосия Васильева — 18 июля 1711 г. (*Фенченко С.* Новгородское старообрядчество II пол. XVII—I пол. XVIII вв.; *Шамарин В. В.* Староверие в Новгородской области. С. 68).

⁴⁴ Современные старообрядческие изложения их житий см.: Церковный календарь Русской Православной Старообрядческой Церкви на 2002 г. С. 7, 9, 12, 14—15, 17—18, 22—23, 31, 36—37, 41, 48, 62.

⁴⁵ См.: *Зеньковский С. А.* Русское старообрядчество. С. 387.

⁴⁶ *Биргегорд У.* Новгородские страницы дневника Ю. Г. Спарвенфельда // НИС. СПб., 1997. Вып. 6 (16). С. 282.

⁴⁷ Статьи о раскольниках, присланные в Новгородский приказ во 196 (1686) году // ЧОИДР. М., 1871. Кн. 4. Отд. V. С. 201—206.

⁴⁸ *Фенченко С.* Новгородское старообрядчество II пол. XVII—I пол. XVIII вв.

конца XVII в. Пользуясь архиерейскими административно-финансовыми возможностями, он полностью отстроил в камне свой монастырь. Там он и упокоился в 1698 г., оставив в конце жизни кафедру. В связи с этим обстоятельством одним из исследовательских сюжетов могло бы стать соотношение между памятью старообрядцев о Корнилии и выбором места «гари». Как ни парадоксально, это событие произошло в весьма либеральное в вероисповедном плане (в том числе по отношению к «древлеправославным») время Екатерины II.

Среди старообрядцев было и немало противников самосожжений. В частности, их не одобрял упоминавшийся выше Иван Дементьев,⁴⁹ а инок Евфросин (основатель Курженской пустыни близ Повенца, уничтоженной в 1672 г. повелением митрополита Питирима) написал в 1691 г. особое сочинение против «самоубийственных смертей».⁵⁰

Другой формой реагирования на репрессии была радикализация верования части старообрядцев. В 1692 и 1694 гг. в Великом Новгороде прошли два старообрядческих собора, заложивших весьма жесткие основы беспоповского направления. Председательствовал на обоих собраниях уже упоминавшийся Феодосий Васильев. В принятых постановлениях утверждалось, что пришла «кончина века», антихрист явно воцарился в мире, по причине чего уже не существует полноты церковных таинств. Священство с кончиной последних пастырей-старообрядцев дониконовского рукоположения навсегда пресеклось, следовательно, некому стало благословлять законный брак, совершать чин венчания. «Истинные христиане», таким образом, теперь должны быть безбрачными, как монахи, вступающие же в сожителство — подвергаться отлучению, как блудники. Все, исходящее от «оскверненного последним отступлением» мира, оскверняет и «истинного христианина» (беспоповца), поэтому общения с миром не должно быть ни в чем. Отсюда известный запрет «ядения и пития» из одной посуды с старообрядцами (он распространяется и на старообрядцев других согласий). То же, что из мира «великия нужды ради» все же приходится принимать (например, «торжишно брашно», т. е. продукты, купленные на рынке), нуждается в «духовном очищении» путем совершения принявшим что-либо «мирское» старообрядцем большого числа молитв и поклонов. Признавалось существование лишь двух таинств — Крещения и Покаяния, каковые (согласно еще византийским церковным канонам) могут совершать и нерукоположенные лица, с исключением священнических молитв и действий.

Данные постулаты были впервые четко сформулированы именно на упомянутых соборах, они легли в основу учения беспоповского старообрядчества, всех его ответвлений. Поэтому значение новгородских событий 1692 и 1694 гг. можно определить как всероссийское, если не шире, так как общины беспоповцев существуют и за пределами нашей страны.⁵¹

⁴⁹ Там же.

⁵⁰ *Евфросин, инок*. Отразительное писанис о новоизобретенном пути самоубийственных смертей (1691) // Памятники древней письменности. СПб., 1895. Т. 108.

⁵¹ О новгородских соборах 1692 и 1694 гг. и их постановлениях см.: *Зеньковский С. А.* Русское старообрядчество. С. 439—441, 451; *Мельников Ф. Е.* Краткая история Древлеправославной (старообрядческой) Церкви. С. 127.

Правительственные и официально-церковные меры второй половины XVII—начала XVIII в. искоренили приверженность древнерусской церковной традиции в Великом Новгороде, его ближайших окрестностях и в крупных населенных пунктах Новгородчины. Однако полного уничтожения старообрядцев не произошло. Их поселения сохранились в труднодоступных местах, среди лесов и болот.⁵² На территории Новгородской епархии, у слияния рек Сосновки и Выга в Карелии с 1694 г. до 1830-х гг. существовал все-российский центр беспоповцев-поморцев — уже упоминавшаяся Выговская, или Выгорецкая, пустынь. Поморцы выделались из федосеевского согласия, признав возможность заключения церковных браков (путем служения особых молебнов) и молитвы за «державного» царя. Со временем именно это направление в беспоповстве стало численно преобладающим.⁵³ Но в процессе создания «поморского» учения от согласия отделилась еще одна группа радикалов во главе со старцем Филиппом, который ранее (до беспоповского крещения, по другим данным — до принятия иночества) носил имя Фотий Васильев и был стрельцом в Великом Новгороде. По имени основателя новое, весьма «неприязненное в миру» согласие стало именоваться «филипповским», а сам он погиб в «гари» в 1743 г.⁵⁴ К сказанному выше о самосожжениях следует добавить, что карельские, а также каргопольские самосожжения отличались особо большим числом жертв, счет здесь порою шел на тысячи.

С уничтожением Выговского общежития в царствование Николая I земли, некогда входившие в состав Новгородской республики, а после ее падения еще долго сохранявшие епархиальное единство, потеряли для старообрядцев духовно-административное значение. С течением времени общины различных согласий, располагавшиеся на данных территориях (в основном в селах), становились все более «провинциальными» даже по «древлеправославным» меркам, духовные традиции и память о прошлом постепенно утрачивались. Так, в период легализации и всероссийского подъема старообрядчества 1905—1917 гг. ни одно из согласий не открыло прихода в Новгороде. А вскоре пришли новые, советские гонения. Однако и они, нанеся огромный урон, точный объем которого пока не определен, не ликвидировали «древнее благочестие». Например, довольно многочисленная и духовно организованная община поморского согласия нелегально существовала все советские годы в Старой Руссе.⁵⁵

⁵² На сегодняшний день единственным опытом обобщающего исторического описания этих поселений является неоднократно упоминавшаяся выше работа В. В. Шамарина. Однако по причине конфессиональной принадлежности автора (наставник Невской общины поморского согласия в Петербурге) им учтены лишь беспоповские селения. См. также: *Бурьяк М.* Обычаи отцов // *Чело.* 2000. № 3. С. 89—94; *Попов И.* Старообрядцы. Поселок на берегу Белого моря // *Чело.* 2002. № 2. С. 23—25; *Воскресенская Т. А.* Новгородские староверы-беспоповцы в XIX—XX вв. С. 55—58.

⁵³ Литература о Выгорце и генезисе идеологии поморцев весьма обширна. История общежития изложена одним из первых его руководителей: *Филиппов И.* История Выговской старообрядческой пустыни. Общий очерк данной тематики см.: *Зеньковский С. А.* Русское старообрядчество. С. 453—466; *Мельников Ф. Е.* Краткая история Древлеправославной (старообрядческой) Церкви. С. 123—127, 139—146; *Юхименко Е. М.* Выговская старообрядческая пустынь.

⁵⁴ *Зеньковский С. А.* Русское старообрядчество. С. 468; *Фенченко С.* Новгородское старообрядчество II пол. XVI—I пол. XVIII вв.

⁵⁵ *Шамарин В. В.* Староверие в Новгородской области. С. 69—70.

Только в «перестроечный» период старообрядцы заняли определенные позиции в Великом Новгороде. С 1990 г. в бывшем Михалицком монастыре на Молотковской улице действует приход поморцев,⁵⁶ а в октябре 2001 г. открылась община Русской Православной Старообрядческой Церкви (примлющие священство Белокриницкой иерархии). Она расположилась в храме св. Иоанна Богослова на Витке 1384 г.⁵⁷ Таким образом, настоящее время является вполне благоприятным как для самих новгородских староверов, так и для всестороннего исследования их истории, того вклада, который внесли они в дело сохранения и распространения культурного и духовного наследия Древней Руси, зачастую вопреки откровенно враждебным внешним условиям.

⁵⁶ Р[озанов] О. И. 10 лет новгородской общины. С. 67—68.

⁵⁷ См., например: Кудряшова С. Вторая жизнь древнего храма; [Пианский А. Г.] Ревнители «древлего благочестия». 14 ноября 2004 г. храм св. Иоанна Богослова на Витке был освящен после реставрации, см.: Привалов К. Осветили по солнцу.